

Ху Ичжи с таким трудом ввернул какую-то умную фразу, но, как оказалось, сказал все не так, настоящая неграмотность.

Он покраснел от стыда и, заикаясь, сказал:

- Вы уловили суть! В общем, должно быть кто-то завидовал господину Хэ, а потом прибег к этим низким уловкам, поменялся с ним судьбами, отняв у него жизнь, полную успехов и процветания, и именно это привело к его неожиданной смерти.

Просто тот, кто наложил проклятие, не учел, что судьба Хэ Цзиньчжао оказалась более хорошей, чем предполагалось, настолько хорошей, что после смерти он не исчез, как дым, а был защищен любовью поклонников, благодаря чему его душа не погибла. А во время церемонии прощания он встретил Лин Чэня, с которым у него идеально совпадали гороскопы (зачеркнуто) для призрачного брака (зачеркнуто), что дало Хэ Цзиньчжао возможность остаться в мире живых еще на сто дней.

Лин Чэнь, обдумав его слова, спросил:

- Если мы найдем того, кто украл судьбу Хэ Цзиньчжао, сможем ли мы обменять ее обратно и воскресить его?

Услышав это, Хэ Цзиньчжао с некоторым удивлением взглянул на Лин Чэня и поддразнил:

- Сяо Лин, я-то думал, что ты только и думаешь о том, чтобы я поскорее отправился в круг перерождений, чтобы ты смог унаследовать мое огромное состояние.

Оказавшийся между ними Ху Ичжи осторожно поднял руку:

- Можно мне вставить слово?

Лин Чэнь:

- Хм?

- Обмен судьбами - крайне сложное дело. Нужно не только найти того, кто стоит за этим, но и найти могущественного заклинателя, способного провести ритуал. Теоретически это возможно, но... Я не смогу, - он постучал указательными пальцами и смущенно сказал: - Э-э... Если бы моя бабушка была еще жива, она бы смогла вам помочь, но я не изучал таких сложных заклинаний.

Семья Ху издавна жила в глубине гор, и магия всегда передавалась по женской линии, а не по мужской. Если бы мать Ху Ичжи не подчинилась политике «одна семья - один ребенок» и

родила бы еще дочь, то ему бы не пришлось наследовать дело семьи Ху.

В конце концов, он мужчина, и его физические данные не соответствуют заклинательским традициям семьи Ху, поэтому он освоил лишь немного и так и не смог постигнуть суть.

Если Лин Чэнь и Хэ Цзиньчжао хотели возложить надежды на воскрешение на него, третьесортного шамана, он действительно не мог им помочь.

Эта затруднительная ситуация заставила Лин Чэня нахмуриться:

- У тебя нет двоюродных сестер?

Ху Ичжи обиженно ответил:

- Если бы у меня были двоюродные сестры, разве пришлось бы мне становиться Великим шаманом? У моей бабушки была только одна дочь - моя мама, а у мамы - только один я...

- Подожди, твоя мать? - Поспешно спросил Хэ Цзиньчжао. - Почему ты никогда не упоминал о своей матери? Можно ли попросить о помощи ее?

Мать третьесортного шамана лучше, чем сам третьесортный шаман.

- Ты про мою маму? - Ху Ичжи почесал затылок и растерянно ответил: - Я давно с ней не связывался, она очень занята, она уединилась в Гарварде для углубленного самосовершенствования.

У Лин Чэня дернулся уголок губ:

- Я слышал эту шутку про Гарвард, это Харбинская буддийская академия, да*? Это вполне в духе вашей семьи Ху. Что она там изучает? Искусство подземных переходов, полеты или невидимость? Если мы ее сейчас потревожим, это не повлияет на ее душевный покой и не приведет к тому, что она сойдет с ума?

- Нет-нет-нет, это действительно Гарвард, тот, что в Америке! - Неожиданно ответил Ху Ичжи. - Она учится в США, получает вторую докторскую степень, кажется, называется Material Science Mechanical Engineering Master, то есть доктор наук в области материаловедения и машиностроения.

-

Ху Ичжи с грустью вздохнул:

- В год моего поступления в университет она была занята подачей документов в докторантуру. Я поступил в университет, а она получила полную стипендию в Гарварде. В день ее отъезда я рыдал в аэропорту, но она сказала, что докторантура пройдет быстро, и что пять лет в Америке станут самыми незабываемыми из семи лет ее обучения за границей. Последний раз я связывался с ней в начале этого года, она сказала, что собирается уединиться, чтобы писать докторскую диссертацию, и свяжется со мной, когда закончит. Но она говорила так и в прошлом году, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом, и в позапозапозапрошлом... Я посчитал: она уже пять лет в уединении, а диссертацию еще не закончила.

Лин Чэнь:

- ...

Здорово, просто здорово. Семья Ху явно придерживается феодальных суеверий, но в итоге единственная дочь бабушки Ху пошла учиться на доктора технических наук, а единственный внук занимается кибер-гаданием... Действительно, новые времена - новые веяния.

Итак, возникает вопрос: раз на семью Ху надеяться не приходится, кто еще может помочь Хэ Цзиньчжао воскреснуть?

Лин Чэнь редко показывал свои эмоции, но в этот момент на его лице все же отразилось беспокойство.

Увидев это, Хэ Цзиньчжао приподнял брови и многозначительно посмотрел на Ху Ичжи:

- Великий шаман, почему Сяо Чайчай-вань все время лежит? Он что, устал? Может, отнеси его в домик, чтобы он поспал?

Ху Ичжи на этот раз проявил неожиданную сообразительность: он засунул притворяющегося мертвым хомячка себе под мышку и выскользнул из кабинета. Перед уходом он не забыл закрыть дверь и напутствовал их:

- В старом доме плохая звукоизоляция, так что поосторожнее.

Хэ Цзиньчжао:

- ... Лучше займись своим хомячком.

О чем только думает этот Великий шаман-затворник?

После ухода Ху Ичжи в кабинете сразу стало тихо, только программа на экране компьютера продолжала мигать, выводя совершенно противоположные и противоречивые результаты.

Лин Чэнь мрачно уставился на несколько строк непонятного кода, словно собираясь прожечь экран взглядом.

- Сяо Лин, если хочешь посмотреть, как из монитора вылезает Садако, я сейчас тебе покажу, - Хэ Цзиньчжао легко приземлился перед компьютером, загоразвивая ему обзор и делая вид, что собирается залезть внутрь.

Лин Чэнь беспомощно вздохнул:

- Кто сказал, что я хочу на это посмотреть?

- Если не хочешь смотреть на Садако, то почему ты уставился на компьютер? ... А, я понял, - Хэ Цзиньчжао не спеша повернулся и с улыбкой спросил его: - Сяо Лин, ты за меня переживаешь?

- А ты сам не переживаешь? - Спросил в ответ Лин Чэнь. - Ты же слышал слова Ху Ичжи: ты мог бы всю жизнь прожить без препятствий и легко достичь вершин, но тебя убил завистник. Разве ты не хочешь отомстить, не хочешь воскреснуть?

- Конечно, хочу, - хотя Хэ Цзиньчжао ответил так, его тон по-прежнему оставался спокойным и невозмутимым. - Но все дела нужно решать по порядку. Во-первых, о мести. В шоу-бизнесе людей, которые ненавидят меня настолько, что хотят моей смерти, наверное, не так много, но тех, кто завидует мне до безумия, бесчисленное множество, и проверить каждого из них не так-то просто. А что касается воскрешения...

Мужчина замолчал, а затем с самоиронией продолжил:

- С момента моей смерти прошло уже больше месяца, меня давно уже должны были похоронить в родовой усыпальнице. Согласно твоим профессиональным знаниям, сколько времени понадобится, чтобы мое тело превратилось в закуску для червей?

-

- Отомстить нужно, но я не хочу, когда вылезу из могилы, обнаружить, что превратился в кусок вяленого мяса, - Хэ Цзиньчжао поднял руку и, вздохнув, погладил себя по щеке: - Отомстить и умереть красивым или воскреснуть уродливым? Я определенно выберу первое.

Лин Чэню одновременно хотелось и злиться, и смеяться. Он пристально смотрел в глаза Хэ Цзиньчжао, пытаясь разглядеть истинные чувства, скрытые в его взгляде. Но актерские способности Хэ Цзиньчжао были настолько хороши, что Лин Чэнь никак не мог понять, притворяется ли он безразличным или действительно так спокойно относится к жизни и смерти.

Лин Чэнь сказал прямо:

- Хэ Цзиньчжао, я тебя не понимаю.

- Моя книга действительно довольно глубокая, тебе нужно ее внимательно изучить, - неторопливо ответил Хэ Цзиньчжао. - Если тебе понравилась глубокая книга, значит, у тебя хороший вкус.

- ..., - Лин Чэнь хмыкнул: - Вот почему я тебя не понимаю. Оказывается, у этой твоей дрянной книги еще пять-шесть-семь-восемь слоев обложки. У тебя действительно толстая кожа.

Временно отложив вопрос о воскрешении, они сосредоточились на первой и главной проблеме - кто украл судьбу Хэ Цзиньчжао?

Лин Чэнь сказал:

- Разве ты не видел чужие воспоминания? Пробеги по ним, может, найдешь там какую-нибудь зацепку?

Хэ Цзиньчжао начал вспоминать.

Четыре дополнительных отрывка воспоминаний, появившиеся в его голове, касались проб, сцены в воде, ужина с инвесторами и церемонии награждения. К сожалению, в этих воспоминаниях лица всех окружающих были размыты, и Хэ Цзиньчжао никак не мог определить, о какой именно съемочной группе и о какой именно церемонии награждения шла речь.

Неужели след обрывался здесь?

Нет.

Хэ Цзиньчжао собрался с мыслями, успокоился и снова погрузился в эти четыре воспоминания.

Он увидел, как сидит в переполненном людьми коридоре, а руки у него дрожат от волнения. В руке он сжимает тонкий листок бумаги - это, должно быть, сценарий для проб, но на листе нет названия.

Он увидел, как после падения в воду он, мокрый как курица, выбирается из ледяного пруда, и тут же к нему подбежал помощник режиссера, ударил хлопучкой с номером дубля, но он никак не мог разобрать текст на хлопучке.

Он увидел, как инвесторы за столом с вином и закусками обменивались тостами, а на большом экране демонстрировалась красиво оформленная презентация с обнадеживающими цифрами,

но, к сожалению, все это были пустые слова и клише, без единого ключевого слова.

Он увидел, как после церемонии награждения, хотя он явно проиграл, ради репутации ему пришлось сидеть перед камерами, выпрямив спину. Но как раз в этот момент кто-то бестактный подошел к его агенту и стал приставать к нему, предлагая свои услуги: «Здравствуйте, я руководитель сценарной студии «Один взмах кисти», у нас есть несколько отличных оригинальных сценариев, если вам интересно... Хорошо, хорошо, не буду вас беспокоить, вот моя визитка... А, можно добавить меня в WeChat... О, неудобно... Тогда, тогда я пойду...» Он бросил раздраженный взгляд в ту сторону и успел заметить лишь удаляющуюся спину девушки в очках.

Хэ Цзиньчжао прижал ладонь ко лбу и вырвался из воспоминаний.

Когда он открыл глаза, перед ним было обеспокоенное лицо Лин Чэня.

- Хэ Цзиньчжао, ты снова потерял сознание, - серьезно сказал Лин Чэнь. - Если эти воспоминания слишком вредят твоему здоровью, то лучше больше не вспоминать.

Хэ Цзиньчжао улыбнулся:

- Ничего страшного, в этот раз я многое почерпнул из воспоминаний и нашел одну ключевую фигуру.

- Кого?

- «Один взмах кисти».

- Один взмах Икки, - Лин Чэнь инстинктивно продолжил: - Второй взмах Сейи?*

Примечания:

* Харбинская буддийская академия - 哈尔滨佛学院, (Hā'ěrbīn Fó Xuéyuàn) - сокращенно «Хафо», Гарвард на китайском тоже «Хафо» - 哈佛 (hāfó).

* Это игра слов, основанная на отсылках к аниме «Сейнт Сейя» (Рыцари Зодиака). Я попыталась сделать что-то похожее :) В оригинале студия называется 大笔一挥 (dà bǐ yī huī) - это устойчивое выражение «одним взмахом кисти». 伊辉 (Yīhuī) - имя одного из главных героев

аниме, Рыцаря Феникса - Икки, на китайском. 大手 (dà bǐ) буквально «великая кисть». Лин Чэнь строит дуйлянь (антитезные парные строки) и продолжает фразой 二把手 (èr bǐ xīng shǐ). 二 (Xīngshǐ) тут имя Сейи - Рыцаря Пегаса, а 手 (èr bǐ) - дословно «вторая кисть» (а еще это китайский интернет-сленг, означающий «дурак», «придурок», «тупица»)

<http://bllate.org/book/14930/1615776>